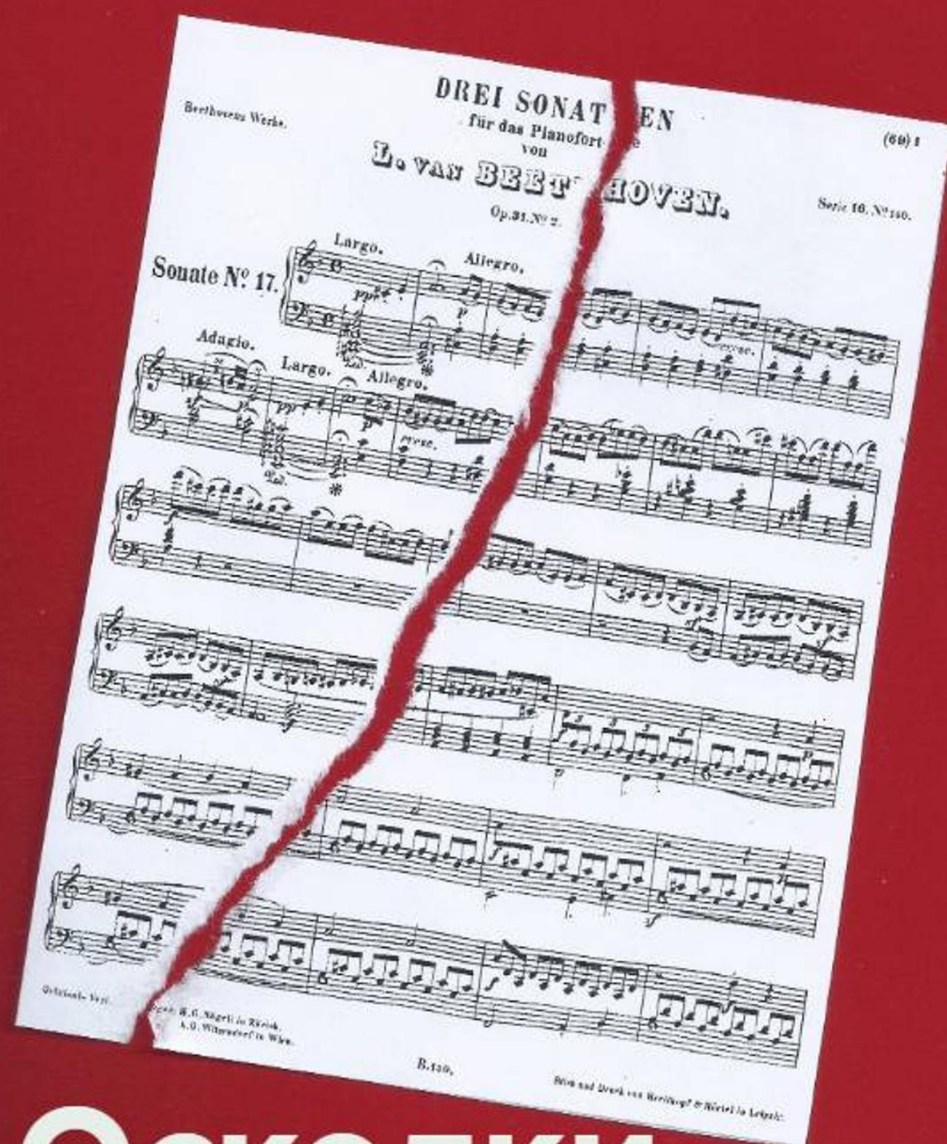

Ольга Игомонова

Осколки Хрустальной ночи

Ольга Игомонова
Осколки Хрустальной ночи

«Автор»

2025

Игомонова О.

Осколки Хрустальной ночи / О. Игомонова — «Автор», 2025

Германия, Кёнисберг, 1938 год. Юная еврейская девушка Фанни, талантливая пианистка, переживает первую любовь и мечтает стать профессиональным музыкантом. Она хочет выйти замуж за любимого человека, создать семью и завести детей, но начинается Вторая мировая война, и в жизни Фанни происходят события, которые безвозвратно меняют ее жизнь. Смогут ли Фанни пережить времена нацистского режима? Сбудутся ли ее мечты о музыкальной карьере и семейном счастье? Выдержит ли ее любовь те испытания, с которыми столкнется Фанни на своем жизненном пути? Это история о любви и предательстве, силе и слабости, храбрости и трусости, а также о тех сложных выборах, которые приходится делать людям в непредвиденных обстоятельствах. Сюжет является фантазией автора. Все персонажи, имена, события, истории героев и названия организаций вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми, событиями и названиями организаций непреднамеренны и случайны.

© Игомонова О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Игомонова

Осколки Хрустальной ночи

Часть 1

Глава 1

Кенигсберг, ноябрь 1938 года

Хмурый ноябрьский день клонился к закату. Над Кенигсбергом сгустились тяжелые тучи, предвещавшие затяжной дождь. Река Прегель щедро наполняла городской воздух сыростью и запахом тины, а полицейские патрули на перекрестках вызывали у редких прохожих ощущение тревоги и неопределенности.

Фанни Герц бежала по улице, крепко прижимая к груди сумку с нотами. Ее тонкое пальто не спасало от пронизывающего холода: промозглый ветер пробирал до костей. Изящная шляпка, которую на прошлой неделе подарила ей фрау Гольдман, уезжая в Америку, тоже не могла согреть и служила всего лишь модным аксессуаром.

Фанни летела домой, как на крыльях. После уроков музыки она всегда ощущала невероятный творческий подъем, а сегодня ее одухотворенное состояние особенно резко контрастировало с осенним ненастьем и депрессивной атмосферой нацизма, царящей в городе. Для такого возвышенного настроения у девушки была особая причина: сегодня ей впервые удалось ощутить то удивительное состояние вдохновения, о котором так много говорят музыканты, причем она смогла не только войти в состояние творческого потока, но и реализовать его практически.

Свидетелем этого потрясающего события оказалась ее педагог по фортепиано фрау Бергер, которая раньше была известной пианисткой, а теперь давала частные уроки музыки еврейским детям. Фанни занималась у нее уже несколько лет и знала, насколько строгим и требовательным преподавателем была фрау Бергер: ни один урок не обходился без ее резких замечаний и безжалостной критики музыкальных способностей учеников. Но сегодня Фанни смогла совершить практически невозможное, и это событие потрясло девушку до глубины души.

Фанни бежала по улице, вспоминая все подробности сегодняшнего урока. Фрау Бергер на каждом занятии давала ученикам новое фортепианное произведение для чтения с листа, и с каждым разом эти задания были все сложнее и сложнее. Исполнять незнакомую музыку по нотам, которые видишь впервые, непросто даже для опытных музыкантов, но профессиональные исполнители обязаны хорошо владеть этим навыком. Для Фанни эта часть урока всегда была самой трудной: несмотря на все старания, ей практически никогда не удавалось избежать ошибок. При чтении нот с листа пальцы девушки предательски попадали на чужие клавиши, вызывая смущение юной пианистки и недовольство придирчивого педагога.

Сегодня фрау Бергер выбрала для Фанни особенно сложное произведение – первую часть семнадцатой сонаты для фортепиано ре минор Бетховена. За непредсказуемость музыки, резкую смену темпа, быстроту пассажей и сложность аккордов эту сонату называют «Бурей», и в качестве учебного упражнения она является серьезным вызовом для любого пианиста. Но эта странная турбулентная бетховенская музыка захватила Фанни буквально с первых нот, и у девушки возникло какое-то особенное возбужденное состояние. Никогда раньше она не испытывала ничего подобного: ее пальцы буквально летали над клавиатурой огромного рояля «Блютнер», который занимал половину гостиной фрау Бергер, а пожилая учительница слушала игру юной пианистки молча, как завороченная.

Обычно упражнение по чтению с листа ограничивалось двумя-тремя страницами нотного текста, после чего строгая преподавательница недовольно прерывала игру ученицы и начинала высказывать свои многочисленные замечания и разбирать ошибки исполнения. Но

сегодня фрау Бергер позволила девушке доиграть сонату до конца, а когда прозвучали последние ноты, никаких замечаний не последовало. Вместо этого пожилая учительница заявила:

– Поздравляю, Фанни, это было блестяще. И дело даже не в том, что ты исполнила все чисто и без ошибок – при определенной тренировке исполнять технически сложные музыкальные произведения могут многие исполнители. Но сегодня тебе удалось войти в то особое эмоциональное состояние, которое отличает талантливых музыкантов от простых любителей, причем ты смогла не только уловить это состояние, но и передать его в музыке слушателям. Запомни эти ощущения, постарайся их проанализировать и понять, что именно помогло тебе войти в состояние потока: если ты научишься вызывать в себе такие ощущения, не дожидаясь пресловутого вдохновения или озарения свыше, то сможешь стать прекрасной пианисткой.

Вспоминая все это, девушка с любопытством поглядывала на тучи, затянувшие небо-свод, но приближение дождя ее не пугало. Погода в Кенигсберге всегда была непредсказуемой и изменчивой, и в городе даже бытовала такая поговорка: если вам не нравится погода Кенигсберга, подождите пятнадцать минут, и она изменится. Но сегодня у Фанни не было никакого желания ждать изменения погоды: она спешила домой, размышляя о том, стоит ли рассказывать родителям о похвалах фрау Бергер. Конечно, ей очень хотелось поделиться с ними своими успехами, но отец всегда призывал ее быть скромной и никогда не хвастаться своими достижениями.

Под ногами девушки шуршали безжизненные осенние листья цвета той самой знаменитой баварской горчицы, которая продавалась в бакалейной лавке ее отца и считалась лучшей в городе.

Подумав об отце, Фанни невольно улыбнулась. Давид Герц был чистокровным евреем, но содержал свою бакалейную лавку с немецкой аккуратностью. Мудрый бакалейщик всегда считал, что залогом успеха любого бизнеса являются порядок, пунктуальность, трудолюбие и честность. Этих принципов Давид Герц придерживался во всех аспектах своей жизни и часто повторял жене и дочери знаменитую немецкую пословицу *Ordnung muss sein*, которая была главным девизом его жизни и в переводе на идиш означала «должен быть порядок».

Фанни с детства любила помогать отцу в лавке. Да, она мечтала стать профессиональной пианисткой и не хотела связывать свое будущее с торговлей, но ей всегда нравилось наблюдать за работой отца. Она любовалась идеальной чистотой на полках с продуктами, ровными рядами банок с консервами и соусами и набором гирь-разновесов, которые позволяли бакалейщику точно взвешивать покупателям любое количество продуктов. Эти гири чем-то напоминали Фанни русскую расписную деревянную куклу, внутри которой находились другие куклы, но меньшего размера, и каждая следующая кукла была уменьшенной копией предыдущей – такую игрушку она видела в детстве у своей подруги Бетти.

Фанни хорошо помнила те времена, когда ее семью никто не называл евреями, и в любой лавке или аптеке города продавцы с одинаковым почтением обслуживали клиентов любой национальности: и немцев, и евреев, и малолитовцев, и поляков.

Раньше бакалейная лавка Давида Герца славилась широким ассортиментом и качественными продуктами, но в последние годы все изменилось. Ассортимент продуктов в лавке постепенно стал примитивным и скудным, а запах кофе, который прежде казался неистребимым, исчез вместе с натуральным кофе и другими колониальными товарами, которые во времена Третьего Рейха стали большим дефицитом. На смену ароматным кофейным зернам пришел странный кофейный напиток из ячменя с добавлением синтетического кофеина, но даже такой ячменный кофе стал для еврейских магазинов практически контрабандным товаром, поэтому Давид Герц предлагал его с большой осторожностью и только постоянным покупателям: по новым антиеврейским законам любой кофе считался товаром только для немцев и был запрещен для продажи в еврейских магазинах.

Количество покупателей в лавке тоже уменьшалось с каждым днем. С принятием антиеврейских законов началась масштабная эмиграция евреев из Германии, и еврейское население Кенигсберга быстро сокращалось. Давид Герц гордился тем, что среди его постоянных покупателей до сих пор оставалось немало немцев, которые приходили за продуктами в его лавку даже несмотря на новые законы Третьего Рейха, запрещающие немцам любые отношения с евреями. Опытному бакалейщику пока еще удавалось сводить концы с концами, но Давид Герц хорошо понимал, что вопрос об эмиграции своей семьи ему придется решать уже в ближайшее время.

Фанни знала обо всех этих проблемах, но сегодня думать о плохом или беспокоиться о том, что еще не произошло, ей совершенно не хотелось. У нее было прекрасное настроение: урок музыки прошел замечательно, а вечером ей предстояло свидание с Клаусом.

Глава 2

Семья Герцев занимала небольшой двухэтажный дом недалеко от реки Прегель – главной транспортной артерии Кенигсберга. Второй этаж был жилым, а на первом располагалась их семейная бакалейная лавка, которую Давид Герц открывал каждый день ровно в семь утра. Раньше Зельда Герц помогала мужу обслуживать покупателей, но теперь торговля стала вялой, и Давид обычно работал один. Как правило, лавка была открыта только до обеда, а во второй половине дня бакалейщик мог открыть ее только накануне праздников, которых у евреев не было уже давно.

Сегодня в лавке с самого утра не было никаких посетителей: промозглая погода не располагала людей к ходьбе по магазинам, а нацистские патрули на улицах и вовсе отбивали у евреев всякое желание выходить из дома без острой необходимости. Давид простоял за прилавком полдня в полном одиночестве, тяжело вздыхая и раздумывая о безрадостных перспективах своего бизнеса и жизни в целом. Так и не дождавшись покупателей, он в очередной раз проверил товарные запасы, которые таяли с каждым днем, и отправился домой, повесив на дверь лавки большой амбарный замок.

* * *

Подбегая к своему дому, Фанни увидела, что лавка закрыта, а в окнах гостиной горит свет. Так и не решив, стоит ли рассказать родителям о том, что фрау Бергер похвалила ее исполнение с листа, она тихонько прошмыгнула в свою комнату.

До встречи с Клаусом оставалось еще немного времени. Фанни присела к зеркалу, чтобы еще раз расчесать свои волнистые черные волосы, и улыбнулась своему отражению. При каждой мысли о предстоящем свидании в глазах девушки загорался озорной огонек, а ее сердце начинало биться сильнее. В такие моменты она ощущала безграничное счастье, которому не могли помешать ни нацистский режим, ни ужесточение антиеврейской политики в Германии, ни слухи о предстоящей войне, ни проблемы еврейской эмиграции. Фанни верила в свою счастливую судьбу и знала, что у нее все будет хорошо. Ей всего семнадцать лет, ее жизнь только начинается, и она уже сейчас окружена замечательными людьми: у нее любящие и заботливые родители, прекрасный педагог по фортепиано, а самое главное – у нее есть Клаус.

Клаус Кох... Даже само имя ее возлюбленного звучало радостно, позитивно и вдохновляюще. У Фанни оно ассоциировалось с самой светлой и сверхмажорной музыкальной тональностью фа мажор с повышенной четвертой ступенью. В такой тональности бывает музыка лидийского лада, которая создает ощущение незавершенности, интригует этническим колоритом и исполняется крайне редко.

Вспомнив Клауса, юная пианистка возбужденно вздохнула: она увидит его снова уже через пару часов, и эти последние часы перед свиданием всегда тянулись особенно медленно.

Фанни до сих пор не верилось, что она встречается с таким замечательным парнем. Клаус Кох был воплощением мечты любой девушки: высокий и стройный красавец, умница, студент философского факультета Кенигсбергского университета (Альбертины), поэт-романтик и бескомпромиссный бунтарь. Фанни восхищалась его талантом, эрудицией и философскими рассуждениями о жизни и считала его чем-то средним между Шиллером и Гете. Клаус был чистокровным немцем, и этот факт девушке особенно льстил: по Нюрнбергским расовым законам, принятым в нацистской Германии в 1935 году по инициативе Адольфа Гитлера, брачные союзы и внебрачные связи между евреями и немцами были строго запрещены. Нарушителям этих запретов грозило уголовное преследование и суровое наказание «за осквернение расы» — каторга или тюрьма.

Но принципиальный и бесстрашный Клаус не признавал эти варварские расовые законы. Когда он впервые пригласил Фанни прогуляться с ним по набережной, она иронично спро-

сила, не боится ли он находиться на людях в обществе еврейки. В ответ юный немец окинул девушку самоуверенным взглядом и заявил, что он свободный человек и не собирается соблюдать законы, которые ограничивают его личное право выбора: он будет общаться, с кем захочет и когда захочет, а если это кому-то не нравится, то ему на это наплевать.

Вскоре их встречи стали регулярными. Фанни не раз подшучивала над Клаусом, говоря, что за отношения с ней ему грозит как минимум каторга, а может быть даже тюрьма, и парень всегда отвечал, что все это полная ерунда. Девушка безмерно восхищалась бунтарским поведением своего друга и считала его очень храбрым, мужественным и порядочным человеком. В глубине души она в тайне надеялась на то, что презрение Клауса к антиеврейским законам является реальным подтверждением его любви.

Строго говоря, никакой внебрачной связи между Клаусом и Фанни не было, и назвать их нарушителями закона было никак нельзя. Их взаимоотношения ограничивались прогулками по самым безлюдным местам города и долгими, но почти целомудренными поцелуями, которые пока еще не подразумевали дальнейшего развития отношений. Однако для романтической юной пианистки даже такая невинная юношеская дружба казалась настоящим вызовом той чудовищной несправедливости, которая процветала в нацистской среде. Она горячо любила своего друга и искренне верила во взаимность своих чувств.

Глава 3

Короткий ноябрьский день стремительно угасал в наступающих сумерках, и гостиная в доме Герцев быстро погружалась в темноту, но Давид Герц не спешил включать свет: сгущающийся мрак лучше соответствовал его тревожным мыслям. Он сидел на диване, отложив в сторону газету и согнувшись под тяжестью проблем, смотрел перед собой невидящим взором и горестно вздыхал, пытаясь найти выход из безвыходного положения и отложить принятие трудного решения.

Его невеселые размышления прервала Зельда. Когда она вошла в комнату и щелкнула выключателем, гостиную залил яркий свет, и женщина вздрогнула от неожиданности, увидев мужа:

– Давид? Я думала, что тебя нет дома. Почему ты сидишь в темноте?

– Не знаю. Я просто задумался.

– О чем?

– Да все о том же. Мы надеялись, что гонений на евреев в Германии все-таки не будет. Боюсь, что наши надежды не оправдались.

Зельда в испуге присела на диван рядом с мужем:

– Что это значит?

– Нацисты начали зверствовать, и не только в нашем Кенигсберге. Страшные новости приходят из всех немецких городов. Похоже, в последнее время гитлеровский антисемитизм перерос в настоящий антиеврейский террор. Люди говорят, что гестаповцы издеваются даже над детьми.

– Но чего еще они хотят? Нацисты лишают нас заработка, закрывают еврейские лавки и магазины и буквально выгоняют нас из страны. Они не позволяют нам лечиться у немецких врачей, а нашим детям запрещают учиться в немецких школах. Мы и так выживаем с трудом, неужели может быть еще хуже?

– Думаю, что это не предел. Газеты пишут, что в Вене создано Центральное бюро по еврейской эмиграции, и теперь евреи бегут из страны, куда только могут. А гестаповцы отбирают у евреев ценные вещи и деньги, заставляют за гроши продавать дома и магазины или попросту конфискуют в пользу Рейха все, что только можно, без всякой компенсации. Всех недовольных или сопротивляющихся избивают и не щадят ни женщин, ни стариков. Говорят, что во многих немецких городах нацисты забивают евреев до смерти прямо на улицах.

– Неужели это правда? Разве можно так издеваться над людьми?

– Ты же знаешь, что по новым законам Рейха нацисты не считают нас людьми: мы для них расово неполноценные. Говорят, что недавно нацисты арестовали и насильственно депортировали в Польшу всех польских евреев, которые жили в Германии десятилетиями или даже столетиями. Просто загрузили их в поезд, перевезли через польскую границу и там высадили. Наверное, скоро доберутся и до нас.

– Неужели нам тоже придется уезжать?

Давид тяжело вздохнул:

– Боюсь, что этого не избежать. Но для нас это не самое страшное, все может быть гораздо хуже. Люди говорят, что многих евреев отправляют в концентрационный лагерь Дахау для принудительных работ или медицинских опытов.

– Какой ужас! Ты думаешь, нам тоже это грозит?

– Если мы успеем уехать, то у нас будет шанс избежать худшего.

– Но куда мы поедем? И почему вообще мы должны уезжать? Мы родились и выросли в Кенигсберге, здесь могилы наших предков, здесь родилась наша дочь, здесь у нас квартира и бакалейная лавка. Мы не можем все это бросить!

– Боюсь, что у нас нет выбора.

– А куда мы поедем? Куда уезжают все?

– Все уезжают, куда только могут: во Францию, Бельгию, Голландию. Некоторые едут в Америку или Палестину. Кто-то едет к родственникам, кто-то просто уезжает в неизвестность, надеясь на лучшее.

– Но у нас нет родственников за границей. Куда же мы поедем?

Давид снова вздохнул и тихо ответил:

– Не знаю. Я думаю, что у нас еще есть немного времени все это обдумать.

– И что мы сможем с собой взять?

– Это не проблема. При депортации нацисты разрешают евреям брать только самое необходимое. Каждый человек может взять только документы, один чемодан вещей и десять марок денег.

– Но это невозможно! — возмущенно воскликнула Зельда. — Как можно куда-то перебраться с одним чемоданом и десятью марками?

– Зельда, это не переезд, это бегство. Мы должны бежать из Германии, чтобы спасти свою жизнь. Но проблема в другом. Недавно вышло какое-то постановление, по которому наши заграничные паспорта считаются недействительными. Так что теперь нам нужно оформлять новые паспорта, в которых ставится специальный знак в виде буквы йот, что значит «еврей».

Едва сдерживая слезы, Зельда пробормотала:

– Я слышала, что с беженцев берут пошлину.

– Берут, и немалую. Они называют ее налогом с беженцев. Но откуда взять такие деньги, я просто не представляю, мы и так едва сводим концы с концами. Наша бакалейная лавка не дает почти никаких доходов: немцы в нее больше не заходят, а у евреев денег хватает только на самое необходимое. Большинство евреев остались без работы, у них практически нет денег, поэтому они почти ничего не покупают. Судя по всему, у евреев сейчас небольшой выбор: или депортация, или голодная смерть. Хотя есть и третий, самый страшный вариант, о котором даже думать не хочется.

– Неужели концлагерь?!

Давид опустил голову и молча кивнул, стараясь не смотреть на жену, по лицу которой текли слезы.

* * *

Этого тревожного разговора родителей Фанни не слышала. Юная девушка старалась не думать о таких глобальных проблемах – она хотела мечтать о будущем и радоваться жизни, и сегодня все ее мысли были заняты предстоящим свиданием. Она в очередной раз посмотрела на себя в зеркало, полюбовавшись своей модной шляпкой и мысленно поблагодарив фрау Гольдман за такой приятный подарок, и отправилась на встречу с Клаусом.

Перед выходом из дома Фанни заглянула в гостиную, чтобы предупредить родителей о своем уходе. Отец встретил девушку широкой улыбкой и наигранной радостью, которой он попытался замаскировать свои тяжелые мысли:

– А вот и наша доченька-красавица! Куда это ты собралась?

– Пойду прогуляюсь.

Увидев плачущую мать, Фанни встревожилась:

– Мама, что-то случилось?

Не желая обременять дочь проблемами, Зельда начала поспешно вытирать слезы, но Давид молчать не стал:

– Случилось, но не сегодня.

Фанни испуганно взглянула на отца:

– А что случилось?

– Нацизм случился, дочка. Гонение на евреев. Да ты и сама это знаешь.

Не в силах сдерживать свою тревогу, Зельда добавила:

– Фанни, отец говорит, что нам нужно эмигрировать.

Фанни ахнула:

– Нам?! Эмигрировать?! Куда же мы поедем?

Внезапно осознав, куда именно им нужно уезжать, Давид уверенно ответил:

– Туда, где мы не будем дрожать от ужаса при виде людей в военной форме, и где слово «еврей» не является смертным приговором. Туда, где мы сможем спокойно трудиться, не волнуясь за жизнь своих близких. Туда, где мы с матерью сможем дождаться внуков и дожить до старости.

– Но мы не можем все бросить! – испуганно воскликнула Фанни.

Стремясь успокоить дочь, Давид постепенно и сам начал принимать неизбежное. Его голос зазвучал тверже:

– Мы оставим здесь то, что сумеем нажить снова, и возьмем с собой только нашу веру, нашу надежду, наше трудолюбие и любовь к ближнему. И никто и ни при каких обстоятельствах не сможет отнять у нас эти ценности.

Но Фанни такие туманные перспективы испугали еще больше. Она с тревогой взглянула на отца и нерешительно спросила:

– Когда мы уезжаем? И куда?

Но Зельда не позволила мужу честно ответить на вопрос дочери и резко пресекла дальнейшую дискуссию:

– Фанни, дочка, еще ничего не решено. Может быть, все обойдется, и нам не придется никуда уезжать. Это отец просто так говорит, умозрительно.

Но Давид не отступал:

– Нет, не умозрительно. Уехать нам все равно придется, но пока еще действительно ничего не решено. Ладно, Фанни, иди погуляй, пока на наших улицах еще более-менее спокойно. Ты одна идешь?

– Нет, с Клаусом.

– Будьте осторожны! Держитесь подальше от патрулей и не разговаривайте с незнакомыми людьми!

– Не беспокойтесь! Мы будем осторожны!

Фанни вышла из гостиной, испытывая противоречивые чувства: в ее душе тревога за будущее тесно переплеталась со счастливым предвкушением предстоящего свидания. Но сегодня ей совершенно не хотелось беспокоиться и хандрить: она спешила на встречу с любимым человеком, и ничто не могло испортить ее возвышенное романтическое настроение.

Выйдя на улицу, девушка полной грудью вдохнула холодный городской воздух. Сумрак короткого осеннего дня быстро поглотил все негативное послевкусие, оставшееся у нее после разговора с родителями. Фанни бежала по улице, не обращая внимания на пронизывающий осенний ветер и стараясь хотя бы на некоторое время прогнать навязчивые мысли о возможной эмиграции. С каждым шагом она все больше отдалялась не только от своего дома, но и от всех неразрешимых проблем, вызванных антиеврейскими законами Третьего Рейха. Она думала о своем возлюбленном, и от этих размышлений неопределенность жизненных перспектив казалась ей уже не такой безнадежной, как несколько минут назад. Фанни очень пугали разговоры об эмиграции, которые возникали в еврейской среде все чаще и чаще с каждым днем, но мысли о том, что уже через несколько минут она окажется в объятиях Клауса и почувствует на своих губах вкус его поцелуев, помогали ей забыть этот страх и пробуждали в ее душе ощущение безграничного счастья.

Глава 4

Фанни с сожалением прервала долгий и страстный поцелуй Клауса, которым он наградил ее при встрече, взяла его под руку и повела по улице. Юноша неохотно уступил инициативу подруге, а она пояснила:

– Не спрашивай, куда мы идем – это сюрприз!

Фанни крепко держала Клауса за руку, а другой рукой сжимала в кармане своего пальто ключ от пустой квартиры, который она тайком взяла у матери. Это и был ее сюрприз: ей очень хотелось побыть с Клаусом наедине, а на улицах и в парке, где они обычно гуляли, ни о каком уединении речи не было. Фанни не задумывалась о том, чем они будут заниматься, оказавшись вдвоем в пустой квартире – ей просто хотелось спокойного общения без оглядки на прохожих и без боязни нацистских патрулей.

Девушка знала, что Клаус не боялся общаться с ней открыто и не стремился прятаться в безлюдных местах, встречаясь с еврейкой. Она восхищалась благородством, храбростью и бунтарским поведением своего возлюбленного и очень боялась признаться ему в том, что при каждой встрече на улице с людьми в военной форме ее сердце замирало в ожидании проблем, а их прогулки по парку, куда евреям вход был категорически запрещен по закону, всегда становились для нее настоящей пыткой. Она не хотела говорить Клаусу о своих страхах и лишний раз напоминать ему о том, что она еврейка. Фанни знала, что их отношения могут обернуться для молодого немца серьезными неприятностями вплоть до тюремного заключения, и ей очень льстил тот факт, что ради нее Клаус отважно нарушал эти идиотские антиеврейские законы.

Но в этот промозглый ноябрьский вечер сердце девушки возбужденно трепетало от радости. Сегодня она сможет забыть все свои страхи: у нее есть волшебный ключик, который откроет им дверь к свободе, и они с Клаусом смогут пообщаться наедине, не боясь нацистских репрессий.

Открыв дверь в квартиру, Фанни быстро прошла в темноту, оставив Клауса у входа:

– Подожди минутку, я зажгу свечи. Электричество здесь отключено.

Через мгновение помещение наполнил робкий свет трех парафиновых свечей, и девушка улыбнулась:

– А теперь заходи и будь как дома. Здесь нас никто не потревожит.

Но проходить в чужую квартиру Клаус не спешил. Он неуверенно озирался по сторонам, разглядывая незнакомое помещение. Дом находился в престижном районе города, но квартира выглядела разоренной и заброшенной: вся мебель сдвинута в угол, дверь пустого шкафа отломана, диван накрыт мешковиной. На колченогой этажерке скучал одинокий цветочный горшок с увядшим растением, а на выцветших обоях остались следы от рамок с фотографиями или картинами. У окна стоял круглый стол, на котором Фанни зажгла свечи, приспособив в качестве подсвечников жестяные консервные банки.

Заметив замешательство своего спутника, девушка забеспокоилась, и затея с квартирой как-то сразу потеряла свою привлекательность: может быть, ей не стоило приглашать сюда Клауса? И что вообще они будут делать одни в пустой квартире?

Она нервно повторила:

– Проходи, не бойся. Здесь никого, кроме нас, нет.

Клаус недоверчиво нахмурился:

– Чья это квартира?

– Гольдманов. Точнее сказать, раньше это была квартира Гольдманов, а теперь она ничья.

Гольдманы на прошлой неделе эмигрировали в Америку, а ключи оставили моим родителям на всякий случай.

– Гольдманы тоже были евреями?

– Почему были? Они и сейчас евреи. Моя мать и фрау Гольдман дружили с детства, и Гольдманы знали меня с самого рождения. Я часто сидела с их маленькой дочкой Анной. Раньше Гольдманы ходили по вечерам куда-нибудь развлекаться – то в ресторан, то в театр. Их Анна была славной девочкой, и я охотно соглашалась за ней присмотреть, а герр Гольдман щедро платил мне за услуги. Это был мой первый заработок, которым я очень гордилась. Потом вышли эти дурацкие новые законы. Евреев перестали пускать в общественные места, вечерние развлечения у Гольдманов закончились, а вместе с ними закончился и мой заработок. А теперь они и вовсе уехали в Америку, а ключи от квартиры оставили моим родителям.

– А ты их украла?

– Ничего я не крада! Просто взяла их на время, а потом верну на место. Эти ключи все равно никому не нужны. Мама сказала, что она не будет следить за этой квартирой, потому что Гольдманы никогда уже в нее не вернуться, и квартиру рано или поздно отдадут какому-нибудь офицеру из гестапо. Но пока ее никому не отдали, она наша! Снимай свое пальто и будь как дома.

Клаус не спеша расстегнул пальто и плюхнулся на диван, все еще озираясь по сторонам:

– А квартирка-то ничего! И даже диван есть! Сейчас мы его проверим! Иди ко мне!

Фанни радостно пристроилась рядом с юношей и обняла его:

– Я так боялась, что ты сегодня не придешь!

Клаус прервал ее бормотание нежными поцелуями:

– Глупенькая! – прошептал он, продолжая ее целовать. — Я же сказал, что приду! Я обещал, а ты знаешь, что я всегда держу свое слово! Отец говорит, что мужчина должен всегда держать свое слово!

– А женщина что, не должна?

– Женщина тоже, наверное, должна. Но женщины — существа слабые и ветреные, поэтому если они не держат свое слово, мужчины должны их прощать.

– Странная философия. Но тебе, наверное, виднее, ты ведь у нас философ.

– Я не философ, я поэт.

– Если ты учишься на философском факультете университета Альбертины, значит, ты философ. Ну и поэт, конечно. Философы могут быть поэтами, но не каждый поэт может быть философом.

– Хороший поэт может быть философом.

– Конечно, может. Но ты же хороший поэт! Хороший? – Фанни любила поддразнивать Клауса, когда тот был в хорошем настроении. — А может быть, не очень?

– Я хороший поэт, и ты это знаешь. Даже Инес Ригель говорит, что у меня есть талант.

Фанни резко отстранилась от юноши:

– Опять эта Инес? Ты, похоже, просто жить без нее не можешь. О чем бы мы с тобой ни заговорили, ты сразу: Инес считает так, Инес говорит этак. Все Инес и Инес. Уж не влюбился ли ты в эту Инес?

– Ты что?! Как я могу в нее влюбиться? Инес Ригель мой преподаватель, и к тому же она гениальная поэтесса. Несколько лет назад ей даже присудили очень престижную литературную премию, которую просто так не дают. У Инес потрясающие стихи! В них столько романтики, столько чувств! Я же читал тебе ее баллады, и ты тоже сказала, что они великолепны! Если бы я мог писать, как она, я был бы самым счастливым человеком на свете!

– Зачем тебе писать, как она? Пиши, как Клаус Кох. Не надо никому подражать.

– Я и не подражаю. Я просто говорю, что она гениальная поэтесса и отличный преподаватель. Нашему университету крупно повезло, что она у нас работает, и я горжусь тем, что могу назвать себя ее учеником.

– Ладно, Клаус, не оправдывайся. Если тебе так нравится эта Инес, то я за тебя рада. Может она и правда научит тебя чему-нибудь уникальному или передаст тебе какие-нибудь

сакральные знания, которые откроют в твоём сознании божественный смысл бытия. Просто ты постоянно говоришь об этой Инес, и мне показалось, что ты к ней равнодушен.

Девушка немного помолчала и кокетливо спросила:

– А может ты и правда в нее влюблен, только не хочешь мне в этом признаться?

– Как я могу в нее влюбиться, она же намного старше меня!

– Но она же не старуха! Она выглядит очень молодо, и фигурка у нее стройная. Интересно, сколько ей на самом деле лет? Тридцать? Тридцать пять?

– Тридцать восемь.

– Ага, вот ты и попался! Откуда ты знаешь, сколько ей лет, если ты в нее не влюблен?

– Это все знают. Она считается самым молодым профессором Альбертины и единственной женщиной-поэтессой в нашем университете. Но почему тебя так волнует Инес Ригель? Ты что, ревнуешь?

– Может и ревную. А ты хочешь, чтобы я тебя ревновала?

– К Инес? Но это глупо! Я же не ревную тебя к твоему Карлу, хоть и вижу, что он в тебя по уши влюблен.

– Да брось ты! Ничего он в меня не влюблен, и он не мой. Карл всего лишь сосед. Наши родители знают друг друга уже много лет. В детстве нас с Карлом дразнили женихом и невестой, но это ничего не значит. К тому же он меня совершенно не интересуется.

– Зато ты его очень даже интересуешь. Он всегда смотрит на тебя своими масляными глазками так, словно хочет тебя проглотить. А на меня он смотрит так, будто я у него что-то украл.

Фанни кокетливо взглянула на Клауса и легонько ткнула его в бок:

– А может ты и правда у него что-то украл? А точнее говоря, кого-то?

Но Клаус шутку девушки не оценил:

– Что за глупости? Я же не виноват, что ты любишь меня, а не его. К тому же ты не обязана любить его только за то, что он еврей. И вообще, за что его любить? У него нет никаких талантов.

– Почему же нет? У каждого человека есть какой-нибудь талант. А что, люди любят друг друга только за таланты?

– Конечно! Вот ты, например, полюбила бы меня, если бы я не был поэтом?

– Не знаю. Может быть, и полюбила. А ты меня за какие таланты любишь?

– За то, что ты пианистка. За то, что ты такая красивая. И за то, что ты меня любишь.

А любить, я тебе скажу, тоже талант нужен.

– А у тебя есть такой талант?

– Конечно, есть! Тебя же я люблю!

Фанни нежно прижалась к юноше, и они долго сидели молча, крепко обнявшись. Заметив, что Клаус все еще озирается по сторонам, девушка спросила:

– Клаус, а ты чего-нибудь боишься?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– У меня какое-то тревожное предчувствие. Мне кажется, что со мной случится что-то нехорошее, или что я потеряю что-то самое дорогое.

– А что у тебя самое дорогое? Что ты боишься потерять?

– Самое дорогое у меня – это ты. Больше всего я боюсь потерять тебя. Если я тебя потеряю, я не смогу жить.

Парень успокоил подругу долгим поцелуем:

– Не бойся, ты меня не потеряешь.

– Обещаешь?

– Обещаю, что я всегда буду с тобой. А чего еще ты боишься?

Фанни промолчала. Клаус почувствовал, что она напряглась в его объятиях, и повторил свой вопрос мягким шутливым тоном:

– Ну, давай, признавайся! Что еще пугает мою славную маленькую трусливую девочку? Чего еще она боится?

Но Фанни шутку не приняла и ответила ему тихим серьезным голосом:

– Знаешь, Клаус, мне иногда снится один страшный сон. Он совершенно нереальный, даже глупый, но я вижу этот сон уже много лет, с самого детства. Это один и тот же сон, но он каждый раз меня очень пугает, хотя я всегда знаю, чем он закончится. Я даже во сне понимаю, что это всего лишь сновидение, и когда я проснусь, все будет хорошо. Но после такого сна я всегда просыпаюсь в холодном поту и потом долго кутаюсь в одеяло и стучу зубами от ужаса.

Клаус оживился:

– Расскажи, это интересно! Сны – это тайна, которую нам еще предстоит разгадать. Недавно один студент рассказал мне о книге Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», но достать ее я не смог – все книги Фрейда были сожжены несколько лет назад.

Фанни пояснила:

– Мой сон – это не тайна, а просто детский ночной кошмар. Я даже знаю, откуда он взялся. Когда я была совсем маленькой, тетя Рахель однажды рассказала мне сказку про Снежную Королеву. Она рассказала ее так красочно и подробно, будто видела всю эту историю собственными глазами, но только конец у этой сказки было другой – его тетя Рахель придумала сама. В ее истории дети разбили Снежной Королеве ее драгоценное, но бесчувственное хрустальное сердце, и злая Королева исчезла навсегда.

Фанни немного помолчала, размышляя, стоит ли делиться с Клаусом своими переживаниями, но потом продолжила:

– Эта сказка произвела на меня такое сильное впечатление, что в ту ночь я не смогла заснуть. Мне казалось, что как только я закрою глаза, в комнате появится Снежная Королева, и ее хрустальное сердце разобьется на мелкие осколки прямо на моем ковре. На следующий день я провела эксперимент: когда мама ушла на кухню, я взяла ее хрустальную вазу и бросила ее на пол, будто нечаянно. Ваза действительно раскололась на крошечные кусочки. Мне тогда здорово влетело за эту вазу, но я собственными глазами убедилась, что хрустальное сердце можно разбить, но склеить его заново из мелких осколков уже невозможно.

Фанни снова замолчала, словно собираясь с мыслями, но Клаус ждал продолжения ее истории, и она не стала его разочаровывать:

– Вскоре после этого случая мы с мамой были в гостях у одной ее подруги, известной оперной певицы. В ее гостиной на рояле стояли подарки от поклонников, памятные сувениры и музыкальные награды. Среди них была одна фигурка, которая поразила меня до глубины души. Хозяйка сказала, что она называется «Аплодисменты»: две хрустальные руки, словно застывшие в беззвучных овациях. Хрустальные руки были прочно закреплены на куске розового мрамора, но мне казалось, что они парят в воздухе и от малейшего неосторожного движения могут упасть на пол и расколоться на тысячи сверкающих крупинок.

Девушка тяжело вздохнула, и в ее глазах заблестели слезы. Она отвернулась от Клауса и закончила свой рассказ почти шепотом:

– В ту ночь мне впервые приснился мой кошмарный сон, и с тех пор я вижу его очень часто. Этот сон всегда один и тот же. Мне снится, что мои руки вдруг стали хрустальными, что я не смогла их уберечь, и они разбились на мелкие кусочки. И в этом сне мне жалко не руки – мне жаль, что я больше никогда не смогу играть на фортепиано, и моя мечта стать профессиональной пианисткой так и останется неосуществленной.

Фанни вытерла слезы и добавила:

– После такого страшного сна я всегда просыпаюсь в слезах, а потом целый день радуюсь тому, что руки у меня не хрустальные, а самые обыкновенные.

Растроганный эмоциональным рассказом подруги, Клаус взял ее изящные руки в свои большие ладони и осыпал пальцы девушки поцелуями, приговаривая:

– Нет, твои руки не обыкновенные, твои руки замечательные. Хрустальные руки – это прекрасный поэтический образ. Я напишу про них стихи:

Руки
Хрустальные
Извлекают звуки
Музыкальные.

Или так:

Хрустальный звон хрустальных рук –
Волнует сердце этот звук.

Ну, или что-то в этом роде. Вот увидишь, скоро я сочиню стихи про твои хрустальные руки. Или даже целую поэму.

Фанни оживилась:

– Напиши мне волшебную поэму – такую, как молитва. Может быть, она избавит меня от ночных кошмаров.

Клаус самодовольно засмеялся:

– Хорошо, договорились! А теперь давай забудем про твои сны и займемся более приятными вещами.

На лице девушки появилась радостная улыбка. Клаус посадил ее себе на колени и начал целовать. Фанни счастливо прижалась к его груди, обвила руками его шею и осыпала поцелуями его лицо. После таких интимных разговоров чужая комната больше не казалась девушке заброшенной и неудобной: крепкие объятия любимого мужчины прогнали все ее страхи и сомнения, а робкий свет догорающих свечей вселил надежду на будущее. Но когда поцелуй Клауса стали более страстными и требовательными, Фанни резко отстранилась:

– Клаус, мы не должны этого делать!

Юноша нахмурился:

– Тебе что, неприятно?

– Мне очень приятно, но мы все равно не должны этого делать.

– Почему?

– Потому что я приличная девушка, а приличные еврейские девушки так себя не ведут.

– А как они себя ведут?

– Прилично.

– Что же неприличного в том, что мы любим друг друга?

– В этом ничего неприличного нет, но позволить мужчине делать все, что он хочет, девушка может только после свадьбы.

В голосе Клауса зазвучали язвительные нотки:

– А когда мужчина может позволить девушке делать все, что она хочет? Тоже только после свадьбы?

– Не знаю, мне об этом не говорили. Я же не мужчина!

– А что ты хочешь, как девушка? Разве ты не хочешь меня приласкать и доставить мне удовольствие?

– Конечно, хочу! Но я хочу выйти за тебя замуж и жить вместе с тобой до старости.

– И умереть в один день?

– Нет, умирать я не хочу! Я хочу, чтобы у нас были дети, много детей – трое или четверо. Мальчики и девочки. И чтобы все они были здоровы и похожи на тебя. Чтобы они занимались музыкой и получили хорошее образование.

– Ты хочешь, чтобы они стали музыкантами, как ты? Или поэтами, как я?

– Я хочу, чтобы они выросли честными и порядочными людьми, а кем они станут, это неважно. Пусть будут, кем захотят – музыкантами, поэтами, врачами, юристами. Главное, чтобы все они были счастливы.

Клаус продолжал иронизировать:

– Итак, подведем итог. Ты хочешь стать знаменитой пианисткой, выйти за меня замуж и воспитать трех или четырех детей. А какую роль в своих планах ты отводишь мне?

– Как какую роль? Самую главную! Мы будем вместе жить одной семьей, вместе воспитывать детей, ты будешь работать, я буду выступать с концертами. Мы же с тобой всегда об этом мечтали! Разве тебе самому хочется чего-то другого?

Парень с сомнением покачал головой и отвернулся:

– Я не знаю. Сейчас все так быстро меняется.

От такого неожиданного ответа Фанни примолкла и после неловкой паузы тихо спросила:

– Ты меня больше не любишь?

– Конечно, люблю! Просто мне кажется, что я еще не готов к серьезным отношениям.

– А к несерьезным готов?

Клаус рассмеялся:

– К несерьезным готов! Прямо сейчас!

У Фанни отлегло на душе, и она тоже засмеялась:

– На несерьезные отношения у нас сегодня времени уже не осталось. Мне уже пора домой. А если ты не против, то наши несерьезные отношения мы можем продолжить завтра вечером – здесь, в этой комнате. Ты придешь?

– Конечно, приду! Я же тебя люблю!

Фанни застегнула пальто и достала из кармана ключи от квартиры:

– Пойдем, Клаус, нам пора.

Клаус обхватил ее за талию:

– Я тебя провожу.

Глава 5

Семья Кохов жила в доме на набережной в большой квартире, которую Эльза Кох содержала в идеальном порядке и безукоризненной чистоте. Для фрау Кох уборка была ежедневным ритуалом, который она выполняла с особым рвением. Каждое утро, проведив мужа на работу, а сына на учебу в университет, Эльза Кох самозабвенно натирала специальным воском добротную деревянную мебель, полировала белоснежным полотенцем кухонную утварь, чистила одежду и обувь, наводила порядок в шкафах и комодах.

Своего мужа Франца Эльза побаивалась, а сына Клауса любила до безумия и гордилась им безмерно. Клаус был для нее воплощением всех материнских чаяний и надежд: красивый, умный и талантливый юноша, истинный немец, студент престижного философского факультета университета и даже поэт! Каждая мать мечтает, чтобы ее ребенок рос именно таким!

Франц Кох не разделял восторгов жены по отношению к их сыну – он считал Клауса чересчур изнеженным и слабовольным и всегда ворчал на Эльзу за то, что она слишком сильно его балует. Но фрау Кох знала, что ее супруг тоже любит их единственного сына, поэтому не обращала на упреки Франца никакого внимания. Ослепленная материнской любовью, она всегда и во всем потакала своему ненаглядному сыночку и никогда не делала ему никаких серьезных замечаний, делегируя все карательные функции воспитательного процесса строгому мужу.

Каждый вечер после работы Франц Кох отдыхал в своем любимом кресле, просматривая газету, а жена рассказывала ему новости прошедшего дня. В отличие от родителей Клаус домоседом не был: по вечерам он всегда стремился улизнуть из дома, чтобы не выслушивать нравоучения отца и не отвечать на его бесконечные расспросы. Но это удавалось далеко не всегда: если отец возвращался с работы в плохом настроении, избежать нотаций или наставлений на путь истинный было практически невозможно. В таких случаях Эльза всячески старалась нейтрализовать воспитательные порывы супруга и отвлечь его бытовыми проблемами, выступая своеобразным буфером между мужем и сыном и давая возможность Клаусу избежать проповедей отца.

* * *

На улице завывал ноябрьский ветер, но в гостиной Кохов было тепло и уютно. В камине весело потрескивали дрова, а большая бельгийская люстра с хрустальными подвесками в стиле Марии-Терезии наполняла комнату ярким светом. Франц Кох, как обычно, сидел в кресле, уткнувшись в газету, а преданная супруга старалась обеспечить ему максимальный покой и комфорт. Заметив, что муж отложил газету в сторону, Эльза свернула свое вязание и начала рассказывать ему городские новости:

– Наш Кенигсберг сейчас не узнать. Я сегодня была в центре города и хотела купить в кондитерской Сандлера ореховые пирожные, которые любит Клаус. Подхожу к кондитерской, а ее нет! Вместо нее там теперь скобяная лавка. Рядом оказалась какая-то женщина, и она сообщила, что Сандлеры всей семьей эмигрировали в Америку. Представляешь, все бросили и уехали!

Франц не поддержал удивление жены:

– А что ты хотела, Эльза? Ты же знаешь, что сейчас евреи бегут из Германии, как крысы с тонущего корабля. А что им остается делать, если новые законы не оставили им другого выбора? Но почему тебя это волнует?

– Как почему? Ты же знаешь, что у Сандлера была лучшая кондитерская в Кенигсберге. Где теперь мы будем заказывать торты к праздникам?

– Об этом можешь не беспокоиться. Ты хоть понимаешь, что в мире творится? Не сегодня-завтра начнется новая война, и я боюсь, что праздники у нас теперь будут не скоро. А ситуация сейчас такова, что многие евреи уезжают из страны куда только могут.

Эльза негромко добавила:

– Кстати о евреях. Франц, ты бы поговорил с Клаусом.

– О чем?

– Как о чем?! Тебя разве не волнует, что он все вечера пропадает неизвестно где с этой еврейской пианисткой?

– С Фанни?

– Да, с ней.

– Почему это должно меня волновать? Они с детства дружат.

– В детстве это было одно, а сейчас совсем другое. Ты видишь, какая она стала?

– Какая?

– Красавица! И глазами своими бесстыжими так и стреляет, так и стреляет!

Франц нахмурился:

– Ты это о чем?

– Да все о том! О том, что наш Клаус с нее глаз не сводит и ходит за ней везде, как приклеенный. Стоит ей только пальцем поманить, и он тут как тут.

– Что ты волнуешься? Пусть ходит, дело молодое!

Но Эльза не унималась:

– Франц, ведь это опасно! Она же еврейка! Ты что, забыл про наши новые законы?

– Эльза, неужели ты думаешь, что кто-то действительно будет исполнять эти новые законы? Это же абсурд! Евреи такие же люди, как и мы. Ну да, у них другая вера, ну и что? Кому это мешает? Они же не приходят к нам в дом со своими семисвечниками и не заставляют нас молиться их богам!

– Франц, по новым законам немцам запрещены не только браки с евреями, но даже внебрачные отношения. Любые нарушения грозят тюрьмой. Ты представляешь, что может случиться с нашим мальчиком, если эта девка его окрутит?

– Эльза, ты преувеличиваешь. Никто нашего Клауса не окрутит. И он уже давно не мальчик, а мужчина. Он взрослый человек и в состоянии контролировать свое поведение.

– Но он такой мягкосердечный и слабохарактерный!

– А кто в этом виноват?! Это все твое нежное воспитание. Это ты во всем ему потакала, вот он и вырос мягкосердечным и слабохарактерным. И вообще, что это за профессия для мужчины – поэт? Кем он будет работать? А когда у него появится семья, как он сможет ее прокормить? Одними стихами сыт не будешь!

Профессиональные перспективы сына (а точнее их полное отсутствие) беспокоили Франца Коха с того самого момента, когда Клаус выбрал для учебы в университете философский факультет. Франц считал, что гуманитарные науки – это баловство, а у мужчины должна быть нормальная профессия. При поступлении в университет Клаусу все-таки удалось настоять на своем, но отец так и не смирился с выбором сына и категорически не одобрял его стихотворчество. Эти разногласия часто становились причиной семейных споров, в которых Эльза всегда заступалась за Клауса. Материнская любовь Эльзы была безграничной и слепой: она восхищалась талантами сына, во всем его поддерживала и всячески старалась защитить от нападок отца. В глубине души Эльза мечтала о том, чтобы ее любимец стал знаменитым поэтом или известным философом, поэтому любые критические замечания мужа всегда воспринимала в штыки:

– Франц, но у него же талант! Он пишет замечательные стихи! Он учится на философском факультете – может быть, он станет вторым Иммануилом Кантом!

– Но поэт – это не профессия. И Кант со всей своей философией, насколько мне известно, зарабатывал так мало, что не смог даже жениться, потому что на содержание жены у него не было денег.

– Но сейчас другое время! Философский факультет Альбертины считается очень престижным, там учатся приличные люди. И преподаватели там хорошие.

– Время всегда одно. Вот если бы наш Клаус стал инженером, как я, или адвокатом, или финансистом, он мог бы неплохо зарабатывать, а в свободное время писать стихи. И тогда я был бы за него спокоен.

Но мать не сдавалась:

– А я уверена, что нашего мальчика ждет блестящее будущее! Если, конечно, он его не испортит, связавшись с этой еврейкой.

Увидев, что в гостиную вошел Клаус, Эльза замолчала, но Франц не хотел уходить от темы и переключил свое внимание на сына:

– А вот и наш поэт! Что нового в университете?

– Да так, ничего особенного: лекции, семинары.

Но отца такая отговорка не устроила:

– Неужели ничего нового нет? Ты же целыми днями в университете пропадаешь! У вас что, такое плотное расписание занятий?

– Да нет, расписание обычное. Но мне приходится еще и в библиотеке заниматься, книги разные читать, журналы научные. И философов тоже изучать нужно.

Мать попыталась сгладить напряжение:

– Вот и молодец, изучай!

Не обращая внимания на жену, Франц продолжил свой допрос:

– И что нового ты узнал в последнее время?

Эльза перешла в наступление:

– Франц, оставь ребенка в покое!

Но отец не унимался:

– Нет, мне интересно! Я плачу за его образование огромные деньги и имею право знать, на что они идут, чему учат моего сына на этом философском факультете и какую пользу ему принесут полученные там знания.

Клаус высокомерно взглянул на отца и заявил:

– У меня только одна новость: я подал заявление в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Отец удивленно поднял брови:

– Вот это да! А ты говоришь, нет новостей! Когда это ты успел?

– Уже давно. Но пока еще неизвестно, примут меня или нет. Могут не принять, у них там серьезный отбор. Но мне Инес Ригель дала рекомендацию, а у нее в партийных кругах большой авторитет.

Франц продолжил допрос:

– Она что, всем дает такие рекомендации?

– Нет, только мне.

– И за какие такие заслуги она дала тебе рекомендацию в партию?

– Ни за какие. Инес говорит, что у меня есть талант. А еще они собираются организовать в нашем университете ячейку Национал-социалистического союза студентов Германии.

– А это еще что такое?

– Это особое подразделение партии, специально для студентов. Инес говорит, что меня могут назначить руководителем этой ячейки, если я буду членом партии.

– И что должен делать руководитель такой ячейки?

– Пока не знаю. Руководить, наверно.

Франц взглянул на жену:

– Вот видишь, мать? Человек в партию вступает, а ты все боишься, что его еврейка окрутит. Так что наш Клаус хоть и поэт, но голову на плечах он пока еще не потерял. Бог даст, человеком станет!

Клаус понял, что допрос окончен, и направился к двери:

– Ну ладно, я побежал!

Эльза забеспокоилась:

– Ты куда?

– В университет!

– На ночь глядя?

– Еще не ночь, еще только вечер!

Клаус вышел из подъезда и энергично зашагал по мокрому тротуару. Конечно, ни в какой университет он сегодня уже не собирался, но и стыда перед родителями за свой безобидный обман юноша тоже не испытывал. Он шел бодрым шагом в ту заброшенную еврейскую квартиру, которую вчера показала ему Фанни, и старался не думать о том, что на самом деле могло случиться с ее бывшими хозяевами.

В вечерних сумерках лужи на мостовой казались бездонными, в водосточных трубах домов свистел холодный резкий ветер, а промозглый городской воздух дышал сыростью и дымом из каминных труб. Но Клаус не замечал осеннего ненастья: он шел на свидание с милой и наивной девушкой, и в предвкушении ее страстных объятий парню было весело и жарко.

Глава 6

Фанни пришла в квартиру Гольдманов задолго до условленного времени. В ожидании Клауса девушка попыталась сделать заброшенное помещение немного уютнее. Она затопила камин, зажгла в гостиной новые свечи, убрала с дивана мешковину, а сломанную этажерку вынесла в коридор. В необитаемом жилище было непривычно тихо, и эту мертвую тишину лишь изредка нарушал едва слышный бой старинных часов, доносящийся из соседней квартиры.

Когда часы пробили семь раз, Клауса все еще не было, и Фанни начала беспокоиться. Но вскоре в коридоре послышались знакомые шаги, и девушка бросилась к двери, чтобы встретить друга восторженными поцелуями:

– Клаус, я так рада тебя видеть!

Парень сдержанно буркнул:

– И я рад.

Не желая замечать мрачное настроение приятеля, Фанни засыпала его вопросами:

– Как дела в университете?

– Нормально.

– Что у тебя нового?

– Ничего.

– Совсем ничего?

Клаус вспыхнул:

– Что вы все сегодня ко мне привязались? Нет у меня ничего нового. Отец весь вечер выпытывал, что у меня нового, теперь ты. Что, у меня на лбу написано про какие-то новости?

Фанни отступила от него на шаг и подняла руки в примирительном жесте:

– Ну ладно, ладно. Я же не знала, что ты повздорил с отцом.

– Я с ним не повздорил, просто мне надоело его недовольство. Он всегда был против моей учебы на философском факультете, потому что для него философия, видите ли, не профессия. И ему не нравится, что я поэт. Мне может тоже не нравится, что он инженер, но я же не учу его, как жить.

– А ты не обращай внимания на его недовольство. Если бы он был категорически против, то не платил бы за твою учебу. А он платит. Он тебя любит и хочет, чтобы ты был счастлив. Просто у него другие взгляды на жизнь.

– Это у меня другие взгляды. И я пишу стихи, а не сижу, как он, над чертежами с логарифмической линейкой. Я современный человек и хочу жить по-другому. Инес говорит, что таким, как я, принадлежит будущее.

Фанни не смогла сдержать сарказма:

– Ну, раз Инес говорит, значит, это действительно так.

Но Клаус не оценил ее зубоскальство:

– А ты зря иронизируешь. Инес Ригель очень умная и образованная женщина. Она много знает и тонко чувствует, поэтому и стихи у нее такие проникновенные.

– Ну все, молчу. И сегодня я больше ничего не хочу слышать про Инес Ригель. Давай лучше поговорим о нас с тобой и помечтаем о будущем.

– О будущем нужно не мечтать, его нужно планировать.

– Это тоже Инес говорит?

– При чем здесь Инес? Ты же сама обещала больше про Инес не говорить.

Фанни смиренно пояснила:

– Извини. Просто я ревную тебя к ней и ничего не могу с собой поделать. Мне хочется, чтобы ты был только моим.

– Я и так твой. Но ты не можешь запретить мне общаться с другими женщинами, тем более с преподавателями.

– Я и не запрещаю. Но целовать тебя буду только я! Договорились?

Девушка обвила шею Клауса руками и поймала его губы долгим нежным поцелуем.

Парень прижал ее к себе и промычал:

– У-гу...

Но Фанни не успокоилась:

– Клаус, ты меня любишь?

– У-гу.

Руки Клауса были теплыми и сильными, а его горячее дыхание излучало какую-то особую всепоглощающую энергию. Фанни закрыла глаза и затаила дыхание: ей хотелось остановить это удивительное мгновение и навечно остаться в объятиях любимого человека.

Внезапно штормовые волны этой неумной энергии смыли в спутанном сознании девушки все барьеры и ограничения, пробудив сильнейшие первобытные чувства, которые до сих пор дремали где-то глубоко в потаенных недрах ее души. Воздух в комнате вдруг стал наэлектризованным, словно перед грозой. По телу Фанни пробежала дрожь, а в ее воспаленном мозгу торжествующе зазвучали мажорные аккорды абсолютного счастья. Она потупила взгляд и сказала низким голосом:

– А знаешь, Клаус, что-то мне надоело быть приличной еврейской девушкой. Сегодня я хочу стать очень даже неприличной. Если мы любим друг друга, то почему мы должны чего-то ждать? Почему мы не можем быть счастливы прямо сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.